

УДК 124.5

К. Э. Бурнашев, кандидат философских наук, доцент
(Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола, Россия)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ХРОНОТОПА В ВОПРОСАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Данная статья посвящена актуальной проблеме современного социально-философского знания – социальному пространству и вопросам его изучения. Рассматривается генезис представлений о социальном пространстве в зарубежной и отечественной традиции. В качестве наиболее конструктивного методологического принципа исследования социального пространства выдвигается принцип хронотопа (время – пространство). Отмечается недостаточная изученность хронотопа применительно к проблемам социально-гуманитарного знания и его эвристический потенциал при исследовании проблем, связанных с человеком и обществом. В заключении делается вывод о перспективах дальнейшего исследования проблем социального пространства сквозь ворота хронотопа.

This article is devoted to topical issues of contemporary social and philosophical knowledge – social spaces and study it. The genesis of the concepts of social space in foreign and domestic traditions. The most constructive methodological principle study extends the principle of social space chronotope (time – space). There is insufficient scrutiny hronotopa applied to the problems of social and humanities and its heuristic potential in the study of problems related to the individual and society. In conclusion, a conclusion about the prospects for further research on social space through the gates of the chronotope.

Введение. Пожалуй, сложно найти в истории социально-философского знания XX века такую проблему, которая, несмотря на явную заинтересованность исследователей, настолько бы ускользала от удовлетворительного разрешения, как проблема социального пространства. Еще в первой четверти XX века русско-американский мыслитель П. А. Сорокин отмечал существование социального пространства, но «тем не менее имеется очень немного попыток дать определение социальному пространству.... насколько мне известно, после Декарта, Гоббса, Лейбница, Вайгеля и других великих мыслителей XVII века только Ф. Ратцель, Г. Зиммель и недавно Э. Дюркгейм, Р. Парк, Э. Богардус, Л. Фон Визе и автор этих строк пытались уделить большее внимание проблеме социального пространства и другим вопросам, с ней связанным» [1, с. 297].

Более чем через полвека американский социолог Энтони Гидденс констатирует следующее: «Не принимая в расчет последние работы географов, можно смело утверждать, что ученые-обществоведы потерпели неудачу в попытках представить и проанализировать формы организации социальных систем во времени и пространстве» [2, с. 174].

В конце 90-х годов XX века отечественный философ А. М. Бекарев также подчеркивает недостаточную изученность вопросов, связанных с социальным пространством: «Термин социальное пространство употребляется часто. Частота употребления порой вызывает рьябь в глазах и не проясняет смысла. Да и в итоге оказывается, что социальное пространство представляет собой не что иное, как "окультуренное", "оче-

ловеченное", но вполне природное пространство» [3].

Малоизученность проблемы социального пространства и в то же время значительную ее актуальность подчеркивают В. Н. Иванов и В. И. Патрушев: «... феномен социального пространства до сих пор остается «закрытой зоной», хотя именно эти проблемы становятся первоочередными» [4, с. 44].

Основная часть. Краткий экскурс в историю вопроса дает возможность констатировать, что проблема социального пространства, несмотря на неоднократные попытки ученых ее разрешить, так и остается проблемой. Это во многом связано со сложностью отражения самого объекта исследования. Он постоянно ускользает от четкого и однозначного определения. Так, например, вполне очевидным представляется нахождение человека одновременно в нескольких пространствах (например, геометрическом, географическом, культурном, этническом и т. д.), поэтому выделение сугубо социального пространства из всего многообразия пространственных форм – задача не из легких.

Первоначальные представления исследователей о социальном пространстве были сугубо механистическими. Оно мыслилось как трехмерное, подобное геометрическому пространству, без учета временной составляющей. Такую трактовку социального пространства проповедовали, главным образом, социологи, среди которых такие именитые классики, как Э. Дюркгейм и Г. Зиммель.

Особое место в этом ряду занимает фигура нашего соотечественника, знаменитого социолога и социального философа П. А. Сорокина,

который пытался преодолеть трехмерный взгляд на социальное пространство и выявить его многомерность [1, с. 297–300].

Мыслитель отмечает принципиальное несходство геометрического и социального пространств. Так, разные люди могут одновременно физически находиться в одном геометрическом пространстве. К примеру, чиновник, рабочий, актер, находясь в одном геометрическом пространстве, одновременно являются актерами различных социальных пространств. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве, могут быть очень близки социально. Человек может покрыть тысячи миль геометрического пространства, не изменив своего положения в социальном, и наоборот, оставшись в том же геометрическом пространстве, он может радикально изменить свое социальное положение.

Исходя из вышесказанного, ученый делает попытку определить социальное пространство как своего рода вселенную, которая состоит из народонаселения Земли. Тем самым социальное пространство трактуется П. А. Сорокиным как глобальное, человеческое пространство. Исследователь подчеркивал многомерность социального пространства в отличие от трехмерности геометрического: «Эвклидово геометрическое пространство – трехмерное. Социальное же пространство – многомерное, поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т. п.)» [1, с. 300].

Вместе с тем, П. А. Сорокин, остается в плену механистического взгляда на социальное пространство. Ключевой фактор, влияющий на социальное пространство, остается за кадром. Этот фактор – время, которое способно придать социальному пространству конкретный смысл и реальное содержание.

В рамках теории относительности Альберта Эйнштейна к трем уже известным измерениям добавилось четвертое – время, которое и стало определяющим. Казалось бы, эта фундаментальная связь времени и пространства должна была изменить представления и о социальном пространстве, но этого не произошло. Американский социолог Энтони Гидденс в середине 80-х годов XX века писал: «Большинство социальных аналитиков рассматривают время и пространство всего лишь как окружение, в котором протекает деятельность и легкомысленно соглашаются с характерным для современной западной культуры представлением, сводящим

время к измеримому часовому времени» [2, с. 174]. Подход к социальному пространству, несмотря на сделанные открытия, оставался механистическим.

В качестве перспективного направления в исследовании социального пространства сквозь призму времени-пространства Энтони Гидденс выделяет концепцию временной географии, являющуюся синтезом географии и социальной теории шведского географа Т. Хагерстранда. «Подход, предложенный Хагерстрандом, основывается главным образом на определении видов ограничений человеческой деятельности, обусловленных конституцией (строением) человека и физической средой его социальной деятельности. Отсюда возникают всеобщие «пределы», ограничивающие человеческую деятельность во времени и пространстве», – подчеркивал Э. Гидденс. [2, с. 175].

В направлении развития временной географии наряду с Хагерстрандом работает Джанелле. Предметом его научных исследований является феномен «сжатия» времени, «необходимого для преодоления расстояния между различными позициями, возникшего вследствие усовершенствования транспортных систем» [2, с. 179].

Философское осмысление социального пространства имеет существенные отличия от социологического. Это объясняется спецификой социологического и философского подходов в исследованиях социального пространства. Социология рассматривает социальное пространство главным образом в контексте проблем социальной мобильности, о которой возможно рассуждать исключительно конкретно. Философское же восприятие гораздо более абстрактно и выражается в осмыслении социального пространства как пространства, которое «образуется в сети отношений человека к миру. Оно само есть отношение» [3, с. 5].

Таким образом, социальное пространство предстает перед нами не в качестве предмета, который можно поставить в ряд с другими предметами и указать на него пальцем или выразить в каком-либо графике, таблице и т. п. Оно возникает исключительно на волне какого-то усилия со стороны человека по отношению к другому человеку и длится, пока данное усилие имеет место. Любое усилие, как известно, существует во времени и со временем же распадается, рассеивается под воздействием энтропии. Эта временность неразрывно связана с пространством, в котором данное усилие проявляется, пространственно оформляется. Время, тем самым, выступает важнейшей характеристикой социального пространства, без которой невозможно его понимание. Таким образом,

вхождение в смысл социального пространства возможно исключительно через ворота социального хронотопа, который предстает в бытии единства социального времени и пространства. Представим социальный хронотоп, по совету М. М. Бахтина, «почти как метафору, почти, но не совсем» [5, с. 234–235]. «Почти» потому, что для социальной реальности не характерен тот специфический смысл, который хронотоп имеет в математическом естествознании, «не совсем» ввиду концептуального включения неразрывной связи времени и пространства (в данном случае социального времени и социального пространства).

Социальные хронотопы играют совершенно особую роль в жизни социальных систем, они открывают смысл социального пространства. Социальные хронотопы выхватывают из потока истории, подверженного энтропии и распаду, определенного рода отношения Человека к Миру, оформленные пространственным образом и пребывающие в конкретное время и в конкретном месте. Социальный хронотоп позволяет актуализировать ранее существующие социальные отношения, воспроизвести в современных условиях прежние формы социального пространства. Такого рода социальное пространство – пространство античного полиса.

Войти в смысл социального пространства античного полиса мы можем исключительно через ворота уникального социального хронотопа под именем «агора» (греческая площадь).

«На площади впервые раскрылось и оформилось автобиографическое (и биографическое) самосознание человека и его жизни на античной классической почве... В этом конкретном и как бы всеобъемлющем хронотопе совершались раскрытие и пересмотр всей жизни гражданина...» [5, с. 282–283].

Порождение такого хронотопа во многом связано с представлениями самих греков о времени и пространстве. Время греков – это так называемое «вечное настоящее», ибо все здесь и сейчас, целиком и полностью должно пребывать, свершиться. В этом своем времяощущении греки были поклонниками мига (бытия целиком и полностью пребывающего в настоящем). Выражения типа «завтра знать или быть добродетельным не имеет никакого смысла», или «на вчерашней добродетели нельзя почевать» – яркий пример такого отношения ко времени. Именно такое ощущение времени греками обусловило их способ оформления социального пространства как пространства пребывания, пространства диалога.

Социальное пространство античного полиса держалось на феномене вертикального состояния сознания древних греков, которое и позволяло

держат и воспроизводить особого рода социальные отношения. Эти отношения, как известно, были неотделимы от политических, частных, культурных и т. д., более того, они сами и были всем этим.

Пожалуй, никогда в истории человечества социальное пространство не было выражено столь рельефно, как в эпоху греческой цивилизации. Человек был максимально овнешнен – социален. Социальный хронотоп греческой площади (агоры) послужил образованием совершенно уникального социального пространства, которое само было способным производить особого рода гражданские отношения, то есть было интеллигибельной материей, проходя через которую человеческий материал упорядочивался.

Распад уникального греческого социального пространства был обусловлен внутренними причинами, главнейшей из которых явилась утрата того самого вертикального состояния сознания, того усиления значительного числа людей, которое и позволяло удерживать напряжение особого рода социальности. «Был полис, существовал топос. Социальный топос, в котором жили греки, и пока держался топос, держались и греки, топос и был Грецией» [6, с. 111–112]. К сходным выводам приходит в своих размышлениях и М. М. Бахтин, констатируя следующее: «Самосознание его (имеется в виду греческий гражданин – *К. Б.*), утратив народный хронотоп площади, не могло найти такого же реального единого и целостного хронотопа; поэтому оно распалось и разъединилось, стало абстрактным и идеальным» [5, с. 286].

Важность социального хронотопа для понимания социального пространства греческого полиса сложно переоценить.

Время выступает в качестве четвертого и решающего измерения социального пространства, именно оно организует, придает ему конкретный смысл.

В организации социального пространства важное место играет реальный социальный хронотоп встречи. Встречи, как известно, происходят в конкретное время и в конкретном месте (пространстве). Будь то встречи дипломатические, творческие или свидания влюбленных – все они порождают определенные социальные отношения, способствуют оформлению социального пространства в конкретном месте в конкретное время.

С социальным хронотопом встречи тесно связан другой хронотоп – реальный хронотоп дороги. «На дороге пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразных людей – представителей всех сословий, состояний,

вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью» [5, с. 392]. Эта точка – месторазвитие определенного рода социальных отношений, которые возникли исключительно по воле случая. Понятие «месторазвитие» фигурирует в знаменитом труде русского мыслителя Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» [4, с. 189]. Оно характеризует специфические физико-географические условия месторазвития этноса.

Месторазвитие указывает на наличие у этноса своего специфического пространства, которое фактически является домом, естественным местом, на котором он зародился и получил толчок к развитию. Далеко не всякое пространство, по мнению Л. Н. Гумилева, может стать таким месторазвитием.

Социальное пространство имеет свое место развития, которое неповторимо в той мере, в какой неповторимо и отношение Человека к Миру. Но место развития этноса и социальное пространство, конечно же, не одно и то же.

Заключение. Понимание социального пространства как времени-пространства играет важную роль в решении практических задач социальной теории, например в конструировании социальных технологий, что отмечают отечественные социологи В. Н. Иванов, В. И. Патрушев, которые пишут: «Категории социального пространства и социальное время являются основополагающими для технологизации... социальное время и социальное пространство выступают категориями социального бытия не только в смысле описания его на духовно-теоретическом уровне; они являются исходными схемами построения обыденного поведения людей и их повседневных взаимодействий...» [4, с. 42–43].

Хотелось бы подчеркнуть, что применение принципа хронотопа, а также теснейшим образом с ним связанного понятия «месторазвития» в исследовании социального пространства является весьма перспективным в методологическом отношении. Смысл социального пространства мы, очевидно, можем постичь лишь через «ворота» социального хронотопа, через взаимное восприятие временных и пространственных характеристик, ему свойственных. Современная техногенная цивилизация характеризуется особым переживанием времени, уско-

ренным ритмом жизни и, как следствие, совершенно непохожей на другие эпохи организацией социального пространства. Здесь весьма существенны ресурсы синергетического описания и понимания нестабильной реальности, а с ней и социального времени.

По определению одного из отечественных исследователей феномена глобализации средствами синергетического подхода В. П. Шалаева, современные нам процессы глобализации не что иное, как процессы превращенного развития мира в его западофицированной форме уподобления и подчинения незападным стран и народов мира западной мировой оси истории [8]. Западофицированная форма глобализации привела к колоссальным цивилизационно-культурным сдвигам в развитии мира. Созданная этими процессами цивилизационно-культурная сложность способна коренным образом изменить сложившуюся форму социального бытия человека. Вызов сложности, пожалуй, один из основных феноменов современности, непосредственным образом связанный с одним из самых перспективных фундаментальных и прикладных направлений философского изучения человека и общества, их социального пространства и времени [8].

Литература

1. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
3. Бекарев А. М. Свобода человека в социальном пространстве. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1999. 172 с.
4. Иванов В. Н., Патрушев В. И. Социальные технологии. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1999. 432 с.
5. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
6. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: Аграф., 1998. 320 с.
7. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2002. 578 с.
8. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: Человек и общество в эпоху глобальных трансформаций: монография. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 184 с.

Поступила 20.03.2014